

HYPERfiction

HYPERfiction

new look

Глеб Соколов

АДАМ & АДАМ

Глеб Станиславович Соколов

Адам & Адам

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12482888

Аннотация

Гомо сапиенс – венец творения?! Вы уверены?

Новый Адам? Или старые трюки дьявола? Из глубин африканских джунглей выходит раса сверхлюдей. Останется ли человек человеком, или оставив землю «новому виду», покинет эволюционную арену?

Содержание

1	4
2	6
3	9
4	13
5	17
6	20
7	26
8	36
9	41
10	47
11	52
12	56
13	63
14	69
15	73
16	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глеб Соколов

Адам & Адам

В нашем общем будущем, которое может стать мрачным, если мы не будем сеять добро, терпимость и любовь ко всем божьим созданиям...

1

У трупа Апельсина

Как известно, эволюция человека остановилась. Вернее, теперь следовало говорить: было известно. Потому что сотруднику Специального агентства расследований думского комитета «А» (или сокращенно САГЕН) Ивану Кожедубу, стоявшему возле окна у трупа убитого гражданина Апельсина, было очевидно, что в этом вопросе, как минимум, не существует прежней ясности. Одним из доказательств, теперь уже мертвым, служил сам гражданин Апельсин.

То, что смертью гражданина Апельсина станет заниматься в том числе и прежде всего САГЕН, наверняка и было обусловлено тем фактом, что Апельсин И. А., являясь гражданином России, не был человеком, хотя и отличался от Гомо сапиенс столь незначительно, что обнаружить это можно было лишь при внимательном исследовании. Именно для того,

чтобы каждый встречный и поперечный сразу узнал правду, что в гражданине Апельсине течет нечеловеческая кровь, работники ЗАГСА записали ему в паспорт фруктовую фамилию. Встречая сограждан по фамилии Апельсин, Дыня, Яблоко, Грейпфрут или, скажем, Ананас, любой из москвичей, в том числе и сотрудник САГЕН, «на лету» понимал, с кем имеет дело...

Так было до последнего времени. Потому что метить метисов фруктовыми фамилиями было признано незаконным и безусловно нарушающим их права. Так что тысячи Дынь, Киви, Мандаринов и Кокосов уже успели сменить свои дискриминирующие их фруктовые фамилии на привычных всем Кузнецовых, Ивановых, Хабибуллиных, Хасбулатовых, Шойгу... В общем на любую фамилию из распространенных в различных регионах Российской Федерации, разнообразных по своему национальному составу... Кому какая казалась благозвучней, а главное – выгодней.

2

В железнодорожном поселке

– Я тебя прирежу!.. – сказал Вере Павловне Кузнецовой ее зять, Мандарин. – Прирежу, и ничего мне за это не будет!.. Я останусь Мандарином! И дети мои останутся Мандаринами!.. И внуки мои!..

– Не будет у тебя внуков, обезьяна ты тропическая!.. Осел и лошадь могут иметь детей, но внуков они уже не увидят!.. – стоя над кухонной раковиной, в которую из старого крана с шумом била ледяная вода, проговорила с ненавистью Вера Павловна – теть Вера, обходчица с железной дороги, приземистая, толстая баба с обвисшими щеками, редкими волосенками на голове и красными натруженными ручищами.

Время от времени она отнимала от синяка под глазом полотенце и мочила его в воде.

– Раз на раз не приходится! – со злостью ответил Мандарин. – Все это бабские враки... Осел! Лошадь!.. – передразнил он тещу. – Откуда вы этого понабрались!.. И Танька тоже!.. Тоже мне, генетики!.. Ученые недорезанные!.. Послушать ваших ученых, так и меня на свете быть не могло. Но я есть!.. Мандарин!.. – вдруг взвизгнул он, приходя в прежнюю ярость. – И только Мандарин!.. И имя поменяю! И детям всем поменяю!..

Теща в отчаянии выронила полотенце и зарыдала:

– Ну зачем, Сережа! Зачем тебе это?!.. Ведь тебя-то, слава богу, не отличишь. Никак от человека не отличишь!..

– Я – человек! – взвизгнул Мандарин.

– И детки у вас с Танюшей хорошенькие – человечики человечиками... – продолжала теща, не обращая на него внимания. – А анализы эти... Кто их делает?!.. Да и ошибаются они! И взятку дать можно!.. Чтоб записали кем надо. А ты сам, сам на рожон лезешь!.. Зачем?!.. Пожалей детей!.. Неизвестно, как все вывернется!..

Она упала на пол и принялась целовать Мандарину потные голые человечьи ступни в последней надежде умолить его.

Мандарину стало неловко за припадок животного буйства. Он и сам в глубине души понимал: теща права. Природа дала ему преимущество в этой отчаянной борьбе за выживание. Им стоило воспользоваться, а не уничтожать в угоду каким-то там принципам. Принципы пока можно подержать и про себя...

Зря он врезал Вере Павловне!.. И без него эта простая русская тетка замордована жизнью дальше некуда. К тому же вон – ноги лезет целовать, во внуках души не чает. А ведь в них – его, Мандариновы, гены, его ДНК!.. В припадке раскаяния Сергей принялся поднимать тещу с пола...

– Ладно, ладно! Не рыдай! Будем все Кузнецовыми! Как ты!.. И я, и дети!.. Не оскудеет Кузнецовыми земля Русская!..

– Да плевать мне на нее!.. – проскулила теща, вставая; с колен. – Малышей жалко!.. Вдруг чего... Вон, слышал вчера, что в телевизоре Бухенвальд говорил... Чего предлагает!..

– Жору слушать не надо. Он – фашист!.. – мрачно проговорил Мандарин, прекрасно понимая, что слушать Бухенвальда будут вне зависимости от его, Мандарина, советов. В том числе и тетя Вера. Она-то как раз в первую очередь. Ведь это у нее зять и двое внуков – Мандарины!

3

У трупа Апельсина

– Я уверен, его прикончили свои!.. Это в их характере...

Но конечно же, теперь все свалят на наших!.. – уверенно сказал Кожедубу Бухенвальд. – Ты должен найти этого паршивого индиго-убийцу!..

Прозвище Жора получил в юности: провалившиеся щеки, запавшие глаза, окруженные темными кругами, – будто долгие месяцы провел за колючей проволокой... Даже в печати его часто называли не по фамилии – Норицын, а старым партийным прозвищем – Жора Бухенвальд.

Оба по-прежнему стояли в зале, в которой на полу было распростерто тело убитого Апельсина. Кожедуб с неприязнью посмотрел по сторонам: ощущение у него было такое, будто он находится в каком-то зоологическом музее: между огромным чучелом крокодила, стоящим вдоль стены, и чучелом какой-то обезьяны у окна протянулись длинные застекленные полки. На них между разнообразных безделушек, видимо привезенных покойным хозяином из разных стран, стояли сосуды с большими высушенными пауками и ящерицами, яркие бабочки в коробках под стеклом, большущие яйца каких-то птиц. Стены были увешаны фотографическими картинками, изображавшими сцены из жизни дикой природы...

Все это животное разнообразие словно бы в какой-то момент замерло – крокодил разинув пасть, обезьяна словно бы собираясь уцепиться за ветвь дерева, паук – приближаясь к жертве, ящерица – собираясь стремительно исчезнуть под камнем, на котором она сейчас сидела. Словно бы замер и лежащий на полу хозяин всей этой коллекции. И только слипшиеся от крови волосы на его затылке говорили о том, что ему уже не подняться...

Над телом до сих пор корпел судебный медик. Кажется, разговор Кожедуба и Норицына, стоявших достаточно далеко от него – у окна в дальней стене кабинета, ужасно отвлекал его. Он пытался подслушать, о чем они говорят.

– Мое дело найти убийцу!.. – наконец спокойно проговорил Кожедуб и еще раз посмотрел на большого паука в банке, – а кем он окажется, пока судить рано.

Кожедуб в отличие от большинства сотрудников САГЕН вырос не в столице. Кряжистая фигура, массивные кулаки – пивные кружки, круглая голова с маленьким носом-пупочкой выдавали его простонародное происхождение. Он не боялся никого и ничего. Но мало было в том же САГЕН сотрудников, обладавших такой же врожденной интеллигентностью и обостренным чувством справедливости.

– Я знаю, кем он окажется!.. Он окажется индиго!.. – с раздражением произнес Жора.

– Я понимаю, что вам бы этого очень хотелось... – твердо проговорил Кожедуб. – Но я следую истине, а не собствен-

ным предвзятостям. Иначе бы я не работал в САГЕН...

– Хорошо, хорошо!.. Следуй истине... – Бухенвальд вдруг сменил тон и заговорил более мягко. – Мое дело высказать тебе свои предположения, свою уверенность в них. А там уж, конечно, определяй свою истину... Разве я против истины?! Я, наоборот, только за. И боюсь, что мешать тебе буду не я, а они – вот такие вот Апельсинчики. Только живые!.. Тут на днях приперся ко мне один... Бизнесмен из Испании. Фамилия у него соответствующая, испанская. Наранх... Да, кажется так... Хуан Наранх... И ну давай напирать!.. И то ему и се... Я, конечно, тоже заинтересован, но чувствую, что-то мне в его поведении не нравится. Что-то знакомое проскальзывает... Вечером в ресторан пригласил... Посидели, выпили... Пьет, скажу тебе, как лошадь!..

Жора хохотнул.

– Как лошадь, понимаешь, да?!.. И чувствую я – что-то в нем не то... А рожа такая компанейская, человечья. Испанская, конечно, но человечья!.. На прощанье обнялись... А утром мне один парень наш сказал – референт из инкомиссии, Наранх-то по-испански знаешь что означает? Апельсин!..

– Ну и что? – со скучающим видом произнес Кожедуб.

– А ничего!.. Мне, между прочим, наплевать!.. Я спокойно отношусь к проблеме...

«Нет, тебе не наплевать!.. – подумал Иван Кожедуб. – И к проблеме ты относишься не спокойно. К ней только

мертвый спокойно относится... Разве можно к такому относиться спокойно?!.. Только беспокойствие твое – особенное. Слишком агрессивное!»

В ВИАГе

– Может ли такое быть в действительности?.. – задумчиво проговорил академик Шахматов, ученый, специалист по вопросам, связанным с происхождением человека, сотрудник недавно созданного ВИАГ – Всероссийского института антропогенеза.

Должность, которую занимал Шахматов в ВИАГе, была отнюдь не самой высокой – он всего лишь руководил одним из отделов института. Директорствовал же в ВИАГе совсем другой человек. Но если в умах миллионов россиян ВИАГ и ассоциировался с каким-то одним человеком, то им был, безусловно, профессор Шахматов.

Его часто приглашали на телевидение – экспертом на разные ток-шоу. Помимо этого, Шахматов вел научно-популярные передачи... Впрочем, теперешние научно-популярные передачи, по крайней мере те, в которых участвовал Шахматов, не могли не затрагивать острейших политических вопросов. И вот уже имя профессора Шахматова звучит в стенах Государственной Думы – на его мнение ссылаются, его приглашают в качестве эксперта на парламентские заседания. Партии и политические группировки стараются склонить его на свою сторону...

– Видите ли, вы сами прекрасно понимаете, что события

развиваются по историческим меркам столь стремительно и столь опрокидывая все предыдущие представления, что говорить «может» или «не может»... Сейчас нужно говорить о том, что есть... – глубокомысленно изрек Александр Оболенский, – молодой тщеславный ученый, ученик Шахматова, сотрудник его отдела.

Саша попал к профессору и вообще в науку не совсем обычным путем. То есть, конечно, и ему была присуща жажда знаний, толкающая молодых людей на стезю ученого, но была Сашина жажда специфической: его интересовало все таинственное, необычное, пугающее, сенсационное. Это всех привлекает, но Оболенского привлекало только такое... Трудно сказать, состоялось бы знакомство Оболенского с профессором Шахматовым, если бы... Цепочка «если» была длинной. Если бы не попала подростку Саше статейка в каком-то дешевом бульварном журнале про «мокелембембе» – реликтового динозавра, якобы обитавшего в одном из глухих и труднопроходимых районов центра Африки... Если бы не тема динозавров, Саша бы не подошел к тому, что хочет заниматься биологией. Почему биологией?.. Да потому, что вдобавок к динозаврам он узнал про древнюю расу богов, якобы существовавшую когда-то: древние люди девятиметрового роста, Шамбала, утерянные таинственные знания предков, Тибет... Отсюда появился интерес к происхождению человека. Естественно, вопрос, как и все остальные темы, Оболенский рассматривал исключительно через приз-

му загадочного и щекочущего нервы. Тут Сашино воображение опять захватила Африка – впечатлительный подросток еще со времен статейки про «мокелембембе» относился к этому континенту с мистическим ужасом. «Мокелембембе», про которого никто не знал, есть он или его нет, оказал вполне реальное воздействие на мозги подростка, живущего за многие десятки тысяч километров от предполагаемого места обитания динозавра. Помимо «мокелембембе» Сашина голова к тому времени уже была забита людьми-зомбе, колдунами, похищающими мужские половые органы, вуду... Повыкапывав информацию откуда только можно – тут были и журналчики, и Интернет, и старые книжки, Оболенский нашел историю происхождения человека весьма занимательной и исполненной пугающих смыслов...

Когда Саша прочел старые книжки, которые выкопал из пропыленного книжного шкафа, у него в голове сложилась определенная картина...

Несколько миллионов лет назад на нашей планете жили обезьяны, основное достоинство которых заключалось в том, что они очень ловко лазили по деревьям. Сами они развились из каких-то лемуруобразных существ, которые тоже лазили по деревьям, правда не столь умело, и питались пойманными насекомыми. Поэтому, как с некоторым разочарованием и обидой узнал Саша, зубы человека походят не на зубы красивого и благородного хищника (к примеру, льва, тигра или, на худой конец, волка), а на зубы поедателя насеко-

мых... Саша представил себя размалывающим зубами таракана или муху, и ему стало тошно, хотя при этом он и не мог не отметить, что размолоть таракана человеческими зубами будет не в пример удобней, чем, скажем, львиными... Но вот разрывать жертву на части львиными зубами, конечно, удобней...

– Но ведь и об этом мы, строго говоря, не можем говорить, – продолжал рассуждать Оболенский. – Ведь никто не знает, что же на самом деле есть в действительности... Сколько было за последнее время всяких сенсационных сообщений, которые на самом деле оказывались лишь попытками спекулировать на теме...

– Да, здесь я с вами полностью согласен, – проговорил профессор Шахматов.

5

Кожедуб и сам не мог понять, когда это произошло, но вдруг с каким-то болезненным чувством признался себе, что с какого-то момента начал испытывать совершенно необъяснимое, но постоянно усиливавшееся чувство тревоги.

Он по-прежнему был на месте убийства, хотя собственное пребывание здесь казалось ему если и не совершенно бесполезным, то в значительной степени испорченным непрерывной болтовней Бухенвальда, не отходившего ни на шаг. Норицын был влиятельным депутатом, руководителем фракции, и, конечно же, как сотрудник парламентского агентства расследований, Кожедуб не мог просто так взять и не обращать на него внимания. У Жоры была собственная совершенно очевидная цель: подтолкнуть САГЕН к вполне определенному направлению расследования. Кожедуб знал, что с раннего утра, с того момента, как Апельсин был найден мертвым у себя на вилле, на руководителей САГЕН оказывается серьезное давление со стороны фракции Бухенвальда.

Кожедуб не был впечатлительным человеком, повышенной эмоциональностью не отличался, и потому собственная теперешняя нервозность оказалась для него неприятным сюрпризом. И связана она была вовсе не с Жорой...

«Однако! А все-таки есть в этих Апельсинах и Мандари-

нах что-то эдакое: чуждое, запредельное. Когда с ним сталкиваешься, оно исподволь, но вполне ощутимо напрягает психику!» – подумал он.

Сделал еще несколько шагов прочь от подъезда и, наконец, зажег сигарету. Слава богу, Бухенвальд не курил, и Кожедубу под предлогом того, что неудобно курить в доме некурившего покойного, удалось сбежать от его назойливого общества на улицу. К тому же в доме работала следственная бригада...

Как это ни странно, но Кожедуб до сих пор близко не сталкивался с обладателями фруктовых фамилий. В САГЕН таких не было: во-первых, их бы никто туда не принял, хотя никакого закона, запрещающего делать это или, наоборот, позволявшего не делать этого, не существовало, а во-вторых, и это, пожалуй, было главным, они бы сами ни за что не пошли туда работать – будучи одним из элитных сотрудников агентства, зарплату Кожедуб получал весьма скромную...

Чувство тревоги, которую испытывал Кожедуб, усилилось. «Что за черт!» – подумал он. – «Нет, конечно, все эти фруктово-цветочные люди – явление достаточно странное, но ведь не испытываю же я никакой особой тревоги, когда хожу по городским улицам. А там их немало!.. А вот здесь их, насколько я понимаю, сейчас нет ни одного... Был один, да убили...»

Кожедуб отошел еще дальше от подъезда и принялся рассматривать просторный загородный коттедж Апельсина: ни-

чего особенного, коттедж как коттедж! Вполне стандартный: островерхая крыша, крытая красной черепицей, белые стены, высокие стрельчатые окна, – проектировавший его архитектор был явно равнодушен к готике... Однако такой коттедж можно представить принадлежащим современному человеку любой нации и любого цвета кожи. Никакой особой мрачности, никаких специфических черт в коттедже не было... Ничего, способного вызвать тревогу...

Кожедуб обернулся: другое дело густые заросли деревьев и кустарников, окружавшие коттедж. Кожедуб слышал как-то, что люди, подобные Апельсину, обожают природу. Может, оттого покойный и постарался окружить свое жилище таким первозданным природным хаосом. Чашоба угрюма и едва пропускает солнечные лучи, зато уж никак не скажешь, что живешь в отрыве от природы!..

«Убийца?! Неужели он все еще здесь?!» – пронеслась в голове Кожедуба неожиданная догадка. – «Но зачем ему это?!...»

Он вдруг осознал, что давно уже слышит в чаще какие-то странные шорохи.

6

Мбаса Нкомо с тревогой вглядывался в густые, непролазные джунгли, начинавшиеся сразу за окраиной этой маленькой африканской деревушки. Убогая хижина его стояла на самом краю, так что если кто и выходил из лесу и двигался к деревне, первым оказывался на его пути Мбаса Нкомо.

Мбаса Нкомо был очень и очень стар.

«Я был первым, кто увидел их... – размышлял Мбаса Нкомо. – Эта хижина, должно быть, была первой человеческой хижинной, в которую они вошли. И вот прошло уже столько лет... Повсюду, даже много дальше от этого леса – кругом они!.. А в этой хижине их до сих пор нет. Эта хижина так и осталась полностью человеческой... – с гордостью подумал Мбаса Нкомо, потер ладонью черную морщинистую кожу. – Потому что в ней живу я один!..»

«Что-то еще готовит нам этот огромный непролазный лес?.. Колдун говорит: духи в лесу дрожат от страха. Если даже духи дрожат от страха, то насколько же ужасным должно быть то, что готовится там, в самых глубоких чащобах?!...»

Мбаса Нкомо мелко задрожал. То ли от страха, то ли от того, что кровь его уже совсем не грела изношенного тела.

«А, ничего я не хочу бояться! – вдруг подумал он и, действительно, успокоился. – Что мне?.. Я одинок, жизнь прожита...»

Два дня тому назад

Поблескивающий лаком «лексус» цвета мокрого асфальта медленно подрулил к бровке. Правое переднее колесо зашуршало боковиной о камень.

Тротуар был выложен плиткой. Человек, медленно выбравшийся из машины, не смог определить ее цвет. Все фонари в маленьком переулке в самом центре Москвы были погашены. Здания возвышались темными громадами и казались покинутыми жителями.

Единственный дом, в окнах которого ярко горел свет, был посольством африканского государства.

«Оно-то мне и нужно!» – спокойно подумал человек, без всякого волнения шагнул к подъезду и нажал на кнопку звонка. Дверь мгновенно отворилась, – так, словно открывший ее секьюрити все время стоял за ней, наблюдая за подъехавшей машиной через глазок.

– Мне нужен Посланник! – проговорил визитер.

Сотрудник службы безопасности пропустил его в холл, обставленный мебелью в мавританском стиле. Пока человек разглядывал инкрустированный камнем столик на резных ножках, секьюрити набрал на телефонном аппарате двузначный внутренний номер – абонент располагался в здании – и произнес по-арабски несколько коротких фраз. Положил трубку, пристально взглянул на гостя.

Под этим взглядом тот почувствовал себя неуютно...

Они двинулись вверх, на второй этаж – в оформлении лестницы преобладали те же мавританские мотивы...

– Проходите в кабинет... – сказал с легким акцентом секьюрити и открыл дверь.

Просторная комната больше походила на гостиную, чем на рабочий кабинет.

– Итак, вы заместитель Жоры Бухенвальда, Владик-Герой? – проговорил по-русски с таким же, как и у секьюрити, акцентом хозяин кабинета-гостиной. – Присаживайтесь... Вот сюда... Прошу вас... Диванчик...

Владик-Герой пораженно рассматривал то, что стояло вдоль стен кабинета.

– Вы бывали в джунглях?..

– Нет... – наконец смог вымолвить Владик.

– Здесь я держу чучела врагов. В свое время вывез из Африки... Тогда у нас была заварушка... А это коллекция масок... Используется колдунами во время магических ритуалов. Вижу, вас не интересует. Вы потрясены обезьянами?.. Много потеряли от того, что не были в джунглях. Впрочем, это довольно мрачный опыт. На любителя.

По обеим сторонам от двери, возле окна, за спинкой диванчика, у столика и у книжных полок – всюду обезьяны.

– Это одна из самых больших частных коллекций... Здесь вы видите лишь малую часть. Остальное – в моей резиденции.

Владик-Герой наконец сел на предложенный диванчик, –

он продолжал осматриваться... Усмехаясь, сотрудник посольства протянул ему визитную карточку.

Не в силах прийти в себя – перед глазами стояли оскаленные обезьяньи морды, он уставился на картонный прямоугольник, весь испещренный непонятной арабской вязью.

– По-русски – с другой стороны!.. Меня зовут... Зовите меня просто Посланник... Мое имя слишком трудное для русского уха... В посольстве занимаюсь экономическими вопросами.

– Я знаю, мне говорили... Вы – торговый посланник с северо-востока Африки... Кстати, Георгий Норицын обижается, когда его зовут Бухенвальдом. Это прозвище... Оно – только для своих.

– Но мы же свои!..

– Да. Расскажите про джунгли... Как там?..

В кабинет неслышно вошла официантка с подносом...

– Попробуйте эфиопский кофе... Великий Исследователь очень любит его...

– Великий Исследователь... Я много слышал о нем... – проговорил Владик. – Так как там, в джунглях?.. Я хочу понять, что это такое?..

– Джунгли – это чудовищные многоярусные леса. Выше – деревья-великаны. Их кроны возносятся над всем. Огромные стволы обвиты гигантскими лианами. Во втором ярусе – деревья с мягкой древесиной. В третьем, у самой земли, – папоротники, мхи и лишайники. В тех местах, где участ-

ки земли заболочены, с двадцатиметровых стволов свисают воздушные корни.

– Да, я слышал! – с нервным оживлением проговорил Владик-Герой. – Они переплетены между собой настолько густо – человеку по такому лесу не пройти!..

– Растительный хаос! С богатым животным миром. Большую часть которого составляют обезьяны. Шимпанзе, гориллы, макаки... Вы, европейцы, привыкли считать: обезьяны – забавные и невинные, достаточно небольшие по размерам создания. На самом деле среди обезьян попадаются особи двухметрового роста весом в сто пятьдесят-двести килограммов.

Поставив на блюде чашечку с мутноватым и неаппетитным на вид, но на самом деле вкусным кофе, Герой не мигая смотрел на Посланника.

– Конечно, в джунглях водятся и леопарды, и пантеры, и огромные попугаи с красными хвостами, и большущие птицы, – продолжал тот. – Но короли – обезьяны! Их больше всего!.. Естественно! Они ловко перепрыгивают с ветки на ветку, пожирая все, что попадает под руку. Обезьяны чрезвычайно прожорливы. В траве мелькают ящерицы, гадюки и огромные ужасные питоны, но им не дотянуться до деревьев и лиан. Повсюду мельтешит огромное количество насекомых – бабочек, муравьев, мух. Одни из них относительно безобидны, укус других приводит к тяжким болезням и даже к смерти... Вот что такое джунгли!.. – с пафо-

сом проговорил Посланник. – Мир людей отличается от мира обезьян. Создав свою цивилизацию, люди ушли из мира джунглей. Мир человека принципиально иной: ровный, плоский, цивилизованный, понятный разуму... Обезьяны не хотят сдаваться. Они сидят глубоко в ДНК человека, действуют через инстинкты, через неосознанные, подспудные влечения... Тогда возникают странные города: многоярусные, исполненные хаоса, в которых дома стоят так же близко друг к другу, как деревья в густых джунглях. Для обезьяны принципиален хаос. Только в нем она может жить, перепрыгивая с ветки на лиану, недостижимая для питонов и пантер... Города – искусственные каменные джунгли! Вылезая из человеческого ДНК, обезьяна побеждает!.. Разве можно объяснить строительство небоскребов лишь дороговизной земли?!.. Нет. Но теперь помимо людей-обезьян в этих каменных джунглях появился еще один, гораздо более страшный враг... О нем и поговорим.

Герой почувствовал, как холодеет от ужаса...

Как узнал в свое время юный Саша Оболенский, ставший впоследствии учеником профессора Шахматова, слезть с дерева обезьяну – предка человека – могло заставить только одно: в какой-то момент леса начали редеть. Но обезьяны совершенно неприспособлены к жизни на открытой местности. Они не могут спастись от хищника, так как медленно бегают, а шансов победить в схватке у них нет – разве могут что-либо сделать зубы, унаследованные от пожирателей насекомых, против острых, как сабли, клыков хищника?!.. Острых когтей у обезьяны тоже нет... Вот почему наблюдающие за обезьянами ученые знают: те панически боятся спускаться со своих ветвей...

Обезьяна, спустившаяся с дерева под давлением обстоятельств, тоже испытывала ужас, но выхода не было. И она нашла неожиданное решение: встав на задние лапы, освободила передние. Ими обезьяна в прежней беззаботной жизни ловко цеплялась за лианы. Поднятые с земли палка или камень компенсировали теперь отсутствие острых зубов.

Как-то на Сашу Оболенского, проходившего мимо какого-то склада, с лаем набросилась собака. Он мигом поднял с земли камень и отпугнул ее. «Как та самая обезьяна!» – подумал Саша.

Теперь он уже знал, что все это произошло примерно семь миллионов лет назад. Почти пятьсот тысяч жизней, подобных прожитым Сашей к тому времени, могли вместиться в этот срок. Подростку Саше казалось – это очень много, но теперь взрослый Оболенский понимал: эволюция проходила быстро. Можно сказать, стремительно. Даже слишком.

Читая книги и журналы, материалы Интернета, Саша заметил: статьи, написанные в разное время, содержали в себе версии эволюции, серьезно друг от друга отличающиеся.

Складывалось впечатление, что при всей мощи современной науки и при всем желании ученых разобраться в вопросе в нем не только не появлялось ясности, а все лишь запутывалось еще больше. Хотя появлялись новые фактические данные и более совершенные методики исследования, тайное не становилось явным, и даже то ясное, что было до сих пор, ставилось теперь под сомнение...

Общей оставалась лишь главная канва событий – появление в значительно удаленном от наших дней прошлом полуобезьяны-получеловека и затем, около двух миллионов лет назад, появление существа, уже достаточно родственного человеку. Опять-таки сами сроки в различных книгах и журнальных статьях сдвигались в ту или иную сторону.

Сроки-то ладно, различались и сами способы движения от обезьяны к человеку. Основных вариантов было два: постепенный, в котором естественный отбор делал предков человека все более и более подходящим на его нынешний вари-

ант, и скачкообразный, при котором человечья порода пришла к нынешнему виду за пару резких качественных скачков.

Оба варианта предполагали: первые предки человека появились в Африке. Но в постепенном варианте они разбрелись по свету, и потом каждый в своем новом месте жительства путем естественного отбора дошел до нынешнего вида. Во втором же варианте как первый прообраз человека, так и все последующие варианты рождались только в Африке и уже оттуда разбрелись по свету, так сказать, в готовеньком виде.

Как следовало из более свежих источников, постепенно в науке побеждала скачкообразная версия. И конечно же, Африка!.. Появление человека происходило там и только там.

Это еще больше подогрело Сашин интерес к Черному континенту – что же это за таинственное место, где все время что-то рождается: то человек, то «мокембембе», то СПИД?!.. Ясное дело, там, в Африке, что-то не так!

Саша заинтересовался Африкой. Тем, как живет континент. Он узнал: несмотря на то что Африка была прародиной человечества, развитое западное общество она никогда особенно не интересовала – ею пользовались, не более-Сначала из Африки вывозили рабов и экзотические породы деревьев, потом принялись копать ее недра. Где было чего копать...

Порт, в который заходят под погрузку корабли запад-

ных стран, ветка железной дороги, ведущая от порта к шахте, принадлежащей западной компании, несколько западных контор в порту, малочисленная колония западных инженеров, обслуживающих все ту же шахту, – и все!.. На этом цивилизация в Африке заканчивалась. По обеим сторонам от короткой железной дороги существовала даже не вековая, а тысячелетняя отсталость – во многих местах жили, как на заре человечества.

Эра соперничества между несостоявшимся коммунизмом и капитализмом привнесла в местную жизнь оживление. Впервые со времен работорговли негры кому-то понадобились – за них начали бороться. СССР поощрял революционные движения и помогал некоторым странам, другим помогал западный мир.

Но вот соперничество между сверхдержавами прекратилось, и на Африканский континент всем стало наплевать. Из-за убийственного для европейца солнца в Африку ехать никто не хотел. Даже инженеры, завербовавшиеся для работы на прибыльные шахты, по окончании контракта никогда не оставались, возвращались в Европу... Деспотические режимы не стремились просвещать своих граждан. Немногочисленные энтузиасты из европейских благотворительных организаций и христианские миссионеры картины не меняли. Что творилось в непролазных африканских дебрях по обе стороны железной дороги, знали только дикие местные колдуны.

Ситуация осложнялась еще тем, что из многих африканских стран европейцам вообще пришлось уехать из-за бесконечной череды войн и межэтнических конфликтов. Чего-чего, а оружия соперничающие державы поставили в Африку предостаточно. Местные царьки и князьки активно пускали его в ход... Читая о многих африканских странах, страдающих от войн, эпидемий, нищеты и хаоса, Саша нередко наткался на фразы: «так было в девяносто третьем году, более поздние данные отсутствуют». Это означало, что в современном мире, пронизанном линиями связи и транспортными артериями, Африка превратилась в жуткое, ирреальное черное пятно, терра инкогнита. О том, что происходит в центре этого покрытого мраком пятна, никто не знал, да и по большому счету не хотел знать. Если во многих развивающихся странах население, несмотря на нищету, непрестанно увеличивалось, то в Африке оно вымирало.

В какой-то момент Саша, внимательно следивший за всеми африканскими новостями, которых, как правило, было мало, начал наткаться на сообщения о людях-дьяволах, появившихся в затерянных в джунглях африканских деревушках. Откуда они взялись и что делают – из коротких заметок неясно... Вроде появились из леса, и местное дикое население с ними активно общается. Сообщения исходили от европейских христианских миссионеров и публиковались в бульварной прессе между сообщениями о людях-вуду и заметками о колдунах, похищающих мужские половые органы.

Большинство относилось к ним несерьезно.

Саша тем временем учился на биолога и интересовался происхождением человека. Ему казалась наиболее убедительной версия, по которой помимо постепенного улучшения человеческой породы и существования множества промежуточных, наследующих друг другу видов, два раза – полмиллиона и сто тысяч лет назад – Африка выплевывала из себя принципиально более совершенных, чем все остальные, существ. Второй раз это был нынешний человек в его законченном виде.

Но самым главным в этой версии было даже не это... Прежде считалось, что каждый новый вид вытеснял предыдущий, устаревший, не смешиваясь с ним. По новым данным, все было наоборот. К примеру, вышедший из Африки современный человек прибыл в Европу, уже густо к тому времени заселенную неандертальцами. Неандерталец был близок к современному человеку и отличался от него в «худшую» сторону очень незначительно. Прежде считалось, что человек попросту изгнал, уничтожил неандертальцев, благо он был умнее и хитрее их. По новым же данным генетиков, человек, «выплюнутый» Африкой, смешался со своими предшественниками так же, как те до этого смешивались со своими. И хотя результаты анализа показывали, что доля генов «неполноценных» существ в генофонде человека составляет всего лишь десятую часть (видимо, смешение было все-таки не очень активным, немногие хо-

тели заниматься сексом с неандертальцами), новая теория по сравнению с предыдущими была совершенно революционной. И неизвестно, какая ее часть была важнее – скачкообразность эволюции или смешение новой формы с предшествующей. Прежде считалось – подобное невозможно. Хотя осел и лошадь похожи друг на друга, у них могут быть дети, но не может быть внуков. Считалось, что человек и его эволюционные предшественники перемешаться не могли...

По новой теории выходило, питекантроп мог быть женат на дочери Гомо сапиенса, а тот, в свою очередь, мог иметь своей невесткой внучку дикого неандертальца и все вместе они с удовольствием засматривались на какую-нибудь хорошенькую шимпанзе или гориллу. Хороша эволюция!.. Хорош венец творения!.. Не эволюция, а сплошное скотоложество!.. Хотя козы, по крайней мере, не имеют общего потомства со своими пастухами, скучающими на отдаленных горных пастбищах...

Прежде подобная картина могла родиться только в голове какого-нибудь нацистского идеолога, стремящегося обосновать неполноценность одних людей и особые права других. Теперь же это было сухими данными науки, свободными от идеологических предпочтений... Хороша наука!.. Не наука, а выступление какого-нибудь Гитлера или Геббельса!..

Однако как ни крути, а эволюция оставалась, тем не менее, эволюцией, а наука – наукой.

А христианские миссионеры в Африке продолжали бить

тревогу: появились люди-дьяволы, и они активно расселяются всюду, где только могут, за пределами области джунглей, в которой впервые появились. Своим обликом люди-дьяволы отличались от человека совсем незначительно. И их вполне можно было принять за представителей какого-нибудь доселе неизвестного первобытного племени, спрятавшегося в джунглях от цивилизации, а теперь неожиданно решившего выйти в большой мир. Возможно, миссионеры так и не обратили бы на них внимания, если бы не одна особенность – всеми силами люди-дьяволы избегали приобщения к церкви. Отсюда, собственно, и возникло их отождествление с дьяволом...

Но Африка по-прежнему оставалась забытым всеми краем, миссионеров с их историями про дьявола никто всерьез не слушал, а люди-дьяволы... Собственно, Александр Оболенский еще в те далекие годы сразу понял, кто они такие... Дьявол тут был явно ни при чем... Эволюция человека не закончилась, и происходила она в точном соответствии с любимой Сашиной теорией: скачкообразно, в Африке и в условиях смешения нового вида с предыдущим.

По теории, те же Гомо сапиенс, к которым принадлежал и сам Саша, поначалу были лишь очень небольшой африканской популяцией, состоявшей всего-то из нескольких тысяч особей. Это уж потом они заполнили собой весь мир. Так же и появившийся в африканской глуши новый вид был очень немногочисленным. Как и когда он появился и не пе-

ремешался ли тут же с каким-нибудь диким племенем африканских охотников – на эти вопросы нет точного ответа. Историческая память аборигенов джунглей составляет всего два-три поколения, вопросы генетики и эволюции их не интересуют.

Африка в очередной раз, примерно третий по счету, выплюнула из себя новый вид человека. Люди-дьяволы стали приходить из джунглей в деревушки – пионером в этом смысле считалась одна из них, очень небольшая. Поскольку, вопреки тому, что миссионеры считали их дьяволами, были эти люди чрезвычайно миролюбивы, доброжелательны и смыслены, население деревушек с ними тут же очень подружилось. Возникли многочисленные, как говорят в учебниках, хозяйственные связи, смешанные браки, и вскоре, строго говоря, никаких людей-дьяволов в чистом виде не было, а были лишь потомки людей и людей-дьяволов. Они отличались тем, что были ужасно общительны, стремились переезжать с места на место, активно перемешивались с местными жителями, имели многочисленное потомство, были невероятно хитры, дружелюбны и чрезвычайно предприимчивы.

К тому времени, когда всем стало ясно, что в Африке появился новый вид человека, этот новый вид давно уже проживал и активно размножался по всему миру. Первоначально из Африки на другие континенты всеми правдами-неправдами стали прибывать какие-то не совсем обыч-

ные негры. Но поскольку негры всегда в глазах местного населения выглядят необычно, то необычные негры привлекали внимания не больше, чем обычные. Пристально на них посмотрели, лишь когда эти необычные негры успели стремительно перемешаться с местным населением, причем потомство их было значительно светлее обычных мулатов – потомков белых и негров. Потомство было чрезвычайно умно, хитро и опять-таки... Общительно и дружелюбно!..

Приблизительно тогда же у них появилось новое имя: люди-индиго!.. По аналогии с необычными детьми, рождающимися в последнее время у обычных людей, потомков тех первых странных негров стали называть людьми-индиго... Какой-то экстрасенс сказал, что видит вокруг них необычного цвета ауру.

Но некоторые предпочитали прежнее название: люди-дьяволы. То, что люди-дьяволы чрезвычайно дружелюбны, старательно избегают любых действий насильственного характера, хотя и любят деньги больше всего на свете, в расчет не принималось. Наоборот, противники людей-дьяволов говорили: дружелюбие – лишь временный и очень ловкий ход. Люди-дьяволы пока малочисленны и, следовательно, поведи они себя агрессивно, тотчас были бы уничтожены местным населением. Для того чтобы выжить, им необходимо продемонстрировать максимальную незлобивость. Вот когда баланс сил изменится, тут-то люди-дьяволы и покажут свое истинное лицо, которое вовсе не столь миролюбиво!..

8

Кожедуб обернулся: никого... В ту же секунду кто-то набросился на него сзади. От удара он повалился на землю, перевернулся, пытаясь сбросить со спины противника. Завязалась борьба...

В первое мгновение Кожедубу показалось: человек-индиго, дьявол!.. Но это была всего лишь большая кошка – молодой ягуар!.. Слава богу, не тигр, не лев! Однако существо прыгучее, сильное, со страшными острыми клыками. Кожедуб не чувствовал боли... Пальцы его обхватили горло рычавшего зверя, и в следующее мгновение он резким движением прикончил бы его, но тут прозвучал выстрел... Животное обмякло.

Кожедуб поднялся. Он выглядел менее возбужденным, чем Бухенвальд, стоявший рядом с пистолетом в руках. В их сторону по парковой дорожке бежали еще какие-то люди...

– Я спас вам жизнь! – проговорил Жора самодовольно. Когда он убирал пистолет в маленькую кобуру, спрятанную под пиджаком, он уже полностью овладел собой. В лице не осталось и следа волнения.

Подбежавшие сотрудники охраны из свиты Бухенвальда проводили Кожедуба в коттедж. Врач, возившийся до этого с трупом, с тем же вниманием, с которым он до этого осматривал покойника, перевязал раны. К счастью, они не были

глубокими.

– Теперь вы мой должник! – Норицын упивался ролью спасителя. – Признайтесь, надоел вам со своим обществом, и вы решили побродить в одиночестве. Видите, чем для вас это закончилось!.. Если бы вы не курили ваши дрянные сигареты и я не понял, откуда доносится запах дешевого табака, оказаться вам на том свете. Надеюсь, теперь поняли: держаться рядом со мной означает жить!.. И не только для вас. Для всего нашего народа!.. Великого народа!

Делая вид, что старается перетерпеть боль, Кожедуб прикрыл глаза. Видеть и слышать Бухенвальда было уже невыносимо. К сожалению, он не мог не слышать его. Но он постарался это сделать и мысленно сосредоточился на том, для чего он сюда приехал: на расследовании убийства гражданина Апельсина, депутата Государственной Думы. Что знал к этому моменту Кожедуб?..

Убитый ударом чего-то тяжелого по затылку Иван Апельсин был председателем Национальной Рабочей партии – сокращенно НРП. Название сущности не соответствовало. Партия была не национальной, а интернациональной. Сам Иван Апельсин был первым и единственным крупным политическим деятелем России, который был индиго. Таким считался каждый, у которого среди предков был индиго. То ли папаша, то ли мамаша Апельсина прикатили в Россию то ли из Европы, а может быть, и из Америки. Очень дружелюбные, неконфликтные, старающиеся решать

любые вопросы миром люди-индиго были непримиримы в одном – своего собственного существования они не признавали. «Никаких людей-индиго на самом деле не существует! Те, кого так называют, на самом деле просто потомки одного из многочисленных африканских племен, живших в труднодоступных районах джунглей и потом, в силу истребления определенных видов животных и невозможности добычи пропитания охотой, вышедшие в большой мир. Внешние отличия ни о чем не говорят. На Земле проживает много народов, совершенно непохожих друг на друга, тем не менее все они – люди, а никакие не индиго и уж тем более не дьяволы!»

Фоном Кожедуб слышал нервные выкрики, доносившиеся в залу через открытые двери...

– Во флигеле был целый зоопарк!.. Зачем, о дьявол, понадобилось ему держать здесь всю эту свору!.. Африканское чучело тосковало по джунглям! – охранники Бухенвальда не были политкорректны. – Кто-то выпустил всех зверей... Теперь они разбрелись по парку. Предупредите милицию... Звери могли выбраться и за территорию участка... Надо предупредить окрестных жителей, звери могут напасть на них. Чертов дьявол!.. Может, его какая-нибудь собственная горилла прикончила?

Это повелось с самых первых лет, когда об индиго только начали говорить: они всячески препятствовали обсуждению темы индиго, не давали ни в какой форме изучать себя –

чурались любых анализов, медицины. Люди-индиго отличались исключительным природным здоровьем и...

Очень короткой продолжительностью жизни! Практически не болея, они проживали быструю жизнь – рано созревали, рано вступали в брак, давали жизнь многочисленному потомству и так же рано умирали. Женщины-индиго (а все это были не первоначальные вышедшие из леса индиго, а метисы, образовавшиеся от смешения с местным населением) вынашивали свой плод не девять, а четыре месяца. Иероглиф «четыре» означает у японцев также «смерть», поэтому число четыре считается несчастливым, как у христиан тринадцать (Иуда, предавший Христа, был его тринадцатым учеником-апостолом). Для многих – еще один аргумент в пользу дьявольской сущности индиго.

Индиго объясняли четыре месяца разницей в питании между джунглями и современным обществом... Глупое объяснение! Кто не верил, тому говорили про естественное изменение природы человека под действием цивилизации.

Откуда-то донесся душераздирающий крик... С этого момента работа следственной группы была полностью дезорганизована. Новость об убийстве Апельсина, сохранявшаяся до сих пор в тайне, стала известна средствам массовой информации – к коттеджу подъехали телевизионщики. Внутрь их не пускали, и они попытались проникнуть через забор. Встреча с тигром закончилась для двух из них смертью.

Два дня тому назад. В посольстве североафриканского государства

– Если бы современный человек все время думал только о деньгах, это было бы полбеды! – сказал Владику-Герою Посланник. – Настоящая беда в том, что деньги человека интересуют не так сильно, как представляют многие. Тайные инстинкты обезьяны, ее страхи, ее любовь к хаосу джунглей – вот что правит всюду!..

Владик сидел, расслабленно прикрыв глаза. Только что ему показалось, что живьем он видит то, что можно увидеть только в страшных снах. То, о чем шепотом говорили между собой некоторые члены бухенвальдовской НЕРО... Но оказалось – это только чучело и причудливые тени. Слава богу, только они.

В Центральной Африке

Христианский миссионер Хуан Суарес хорошо знал, что с африканскими колдунами лучше дела не иметь. И не потому, что он, подобно их соплеменникам, панически боялся их убийственных заклятий. Ни в какие заклятья не верил. Просто все колдуны, с которыми приходилось хоть как-то сталкиваться, были редкостными жуликами и проходимцами. Суарес был уверен: они откровенно дурачат соплеменников, наживаясь на их глупости и приверженности диким суевериям.

Но в последнее время Суарес, хотя его духовный сан и его миссия никак не позволяли делать этого, подружился с колдунами. Вернее, дружбой в прямом смысле слова это не было. Скорее – взаимным интересом. Суарес тайно, под покровом ночи, встречался с колдунами, платил, и они сообщали некоторые сведения... Впрочем, очень путанные, отрывочные и сдобренные чудовищными порциями колдовской околесицы, без которой эта публика обойтись не могла.

Суарес выбрался из глинобитного дома, больше походившего на убогую хижину, на воздух. Но удушливая, влажная жара что в доме, что за его пределами была одинаковой. Голова у Суареса кружилась. Он знал, что болен, жить ему осталось немного, и потому не боялся идти на риск... Он был

единственным европейцем, отважившимся забраться в эти смертельно жаркие дебри, и старался собрать больше информации о таинственном и пугавшем, что происходило в них...

Кругом уже царил мрак, но в руках Суареса был маленький электрический фонарик, который до времени он держал выключенным. Сделав несколько шагов по глинобитной веранде, он неожиданно споткнулся обо что-то... Это насторожило его – некоторое время назад, еще при дневном свете, он сам вымел веранду веником из пальмовых листьев...

Суарес включил фонарик и, хотя уже всякого насмотрелся и ко многому привык, с неодолимым ужасом и отвращением увидел у ног колдовские предметы: собачью голову, высушенного хамелеона и коготь вороны...

Тут же за спиной раздался торжествующий хохот:

– Ты вздрогнул!.. Значит, все время боишься! Твой бог не способен защитить тебя!.. При этом я знаю, ты говорил людям, что Аджио – проходимец и обманщик. Не надо нести ему деньги!..

Суарес поднял глаза и различил, наконец, темную фигуру, нахально развалившуюся на дереве на развилке из трех толстых ветвей у самой стены хижины. Фонарик был уже выключен.

– Опять этот твой балаган, Аджио!.. Зачем?.. Я жду тебя уже целый час, а ты сидишь на ветвях и не заходишь.

– Мне приятно, что ты ждешь, Суарес!.. Знаешь, почему ты делаешь это?.. Тебе нужны мои знания. Мне мно-

огое известно. Я такой же, как мой покойный отец. А у него не гнушался консультироваться даже сам президент страны!.. Мой отец видел будущее...

У Суареса опять закружилась голова. Он сделал шаг к дереву, ухватился за ствол. Колдун бесшумно спрыгнул на землю и оказался у него за спиной. Суарес не поворачивался, он думал о том, что Африка убила его... Это была смерть в рассрочку: он слишком долго жил под убийственным солнцем и от жара в его организме случился сбой. Смерть поселилась в Суаресе.

Многие европейцы, работавшие в Африке и потом вернувшиеся домой, через некоторое время начинали ходить по врачам – у них обнаруживали рак. Не обязательно кожи. От непривычной температуры и радиации внутри организма происходил сбой, и тогда – все... Поэтому в Африку ехали так неохотно.

Нужно было ехать туда, где есть клиники и врачи, но он не хотел... Слишком поздно!.. И потом, он испытывал к этим таинственным джунглям сильнейшую привязанность. Они для него – как наркотик...

– Ты сердисься на меня, Суарес? А зря! – проговорил за спиной колдун. – Я полезен тебе... Посвети-ка своим лучиком вон туда...

Суарес почувствовал, как колдун берет его за руку и протягивает ее в определенном направлении. Миссионер зажег фонарь... Вокруг всей хижины на буро-красной земле чер-

ным порошком был очерчен круг...

– Это оградит тебя... В джунглях кто-то ходит. Вчера я встретился с ним.

Суарес вздрогнул.

– Какой он?!.. – нервно спросил миссионер.

Вдруг с ветвей дерева на Суареса что-то капнуло: липкое, противное... Включив фонарик и направив его вверх, Суарес содрогнулся от отвращения: к ветке был привязан полувыпотрошенный цыпленок с кровоточащими внутренностями. Под ним – укреплен маленький черный горшочек.

– Что это?.. – не удержался Суарес. Он чувствовал, колдун только и ждет вопроса – понести обычную околесицу.

Миссионеру была нужна информация, а не суеверия.

Но Аджио молчал...

– Позавчера за мной гнался кто-то...

– Люди-дьяволы?! – оживился Суарес.

– Нет, те, кого ты называешь людьми-дьяволами, здесь ни при чем...

– Да кто же тогда?!..

Колдун задумался.

– Мокелембембе, Суарес. Вот кто!.. – наконец сказал он.

– Тьфу ты черт! – невольно Суарес выругался. – Не такого ответа я от тебя ожидал!.. При чем тут мокелембембе?!..

Суарес надеялся, Аджио скажет «сам дьявол». Это придавало смысл жизни миссионера, делало ее подвигом.

– Ты узнал что-нибудь про ящики, оставленные учены-

ми? – спросил он колдуна.

– Опасное дело... Джунгли умеют хранить тайну. Опасно к ней подступаться!..

Какое-то время назад, когда страна еще не была охвачена очередной гражданской войной, из интереса к людям-индиго в джунглях стали появляться группы ученых.

Одна из них собирала данные с помощью специальных «черных ящиков», – будучи размещены в труднодоступных районах, замаскированные, они снимали все, что происходило вокруг. Потом носители информации изымались и изучались. Но ученым помешала очередная вспышка насилия: покинули страну, бросив в джунглях ящики вместе с информацией. Но ведь те долго могли вести автономное наблюдение! Теперь Суарес при помощи колдуна выяснял – может, лесные охотники знают, где они лежат, за вознаграждение доставят миссионеру? Он отправит ящики в Европу. Как знать, какая информация зафиксирована на носителях...

– Что-то недоброе происходит в джунглях, Суарес!.. – колдун вплотную приблизился к миссионеру. – Охотники боятся идти в лес...

– Послушай, мне нужны ящики!.. – с раздражением проговорил миссионер. Ему было все тяжелее стоять. От слабости, не от жары, он покрылся мелкими бисеринками пота.

– Не о том думаешь, Суарес. Сейчас каждому надо беспокоиться о себе, – колдун схватил его за руку и потащил за глинобитный дом. Здесь, неподалеку от стены, к которой

вплотную подступали густые лесные заросли, Аджио проговорил:

– Включи свой фонарик и посмотри!.. Вот это меня напугало больше всего!

На земле была распростерта мертвая обезьяна, приконченная ударом твердого предмета по голове.

– Кто-то был возле этого дома... Кто-то убил обезьяну... Кто-то убивает обезьян в лесу... Кстати, знаешь удивительную новость?..

Суарес уставился на своего собеседника, едва различимого в темноте.

– В джунглях видели людей-дьяволов. Но не здешних, а других... Тех, что приехали из других стран!..

– Да ну?! – Суарес поразился. До сих пор люди-индиго расселялись из Африки по другим странам и никогда не двигались в обратном направлении. Уж тем более их не интересовали глухие джунгли. – Что же ты молчал?.. Значит, люди-дьяволы убивают обезьян и охотятся за мной?..

– Нет, Суарес, нет...

– Но зачем убивать обезьян?! – в задумчивости проговорил миссионер.

В пригороде Санкт-Петербурга

Кровь стекла прямо на белую олимпийку. Снежана отпрянула и в ужасе посмотрела на бурое пятно: оно расплзлось по хлопковой ткани... Гостя больше не обнимала ее.

Хватая ртом воздух, Вика, ее подруга еще со школьных лет, которой она только что открыла дверь, сделала шаг в глубь квартиры и начала медленно опускаться на колени. Кровь обильно стекала с острия длинного ножа, торчавшего у нее из груди. Струйка падала на половичок, постеленный перед входом.

Вопль ужаса вырвался из груди Снежаны. Когда подруга уже была на коленях и, склоняясь лицом вперед, готова была рухнуть вниз, она поняла – страшный удар был нанесен Вике сзади – рукоять ножа торчала из спины. Сталь прошила несчастную девушку насквозь... Но это значит...

Невольно толкнув умиравшую Вику, девушка рванулась к двери. Где-то там, совсем рядом, быть может, в одном пролете ниже по лестничной клетке – убийца. Или он стоит рядом с дверью?!..

Страх парализовал Снежану. Она замерла. Надо было закрыть дверь, но железное полотно было распахнуто наружу, чтобы дотянуться до ручки – сделать шаг за порог... А там... Все же шагнула навстречу неизвестности.

Одновременно с тем, как ее рука ухватилась за шершавый пластик ручки, Снежана увидела темный силуэт... Лампочка в подъезде, как всегда, не работала, но с улицы через лестничное окно попадали лучи.

Сначала ей показалось, что это вставшая на задние лапы собака или волк – крупный, с косматой густой шерстью. Но потом, когда силуэт двинулся в ее сторону, она решила: это – человек. Просто немного ниже среднего роста и странной комплекции...

Вопль ужаса слился с ужасным ударом железной двери о косяк. Она успела подвинуть толстую щеколду, – вслед за тем что-то тяжелое ударило с внешней стороны в дверь...

За первым ударом последовал второй. Убийца явно намеревался сломать преграду – ему нужно в квартиру. Волосы на голове Снежаны, уложенные в праздничную прическу, уже стояли дыбом. Но теперь они еще зашевелились...

Умиравшая Вика – она распростерлась на полу маленькой прихожей в неестественной, изломанной позе, – медленно, преодолевая боль, с затуманенным взором проговорила:
– Меня убил бог людей-дьяволов!

* * *

Сотрудник охраны, стоявший на посту, заметно нервничал. Пост был возле ворот «виллы Апельсин». Так журналисты тотчас окрестили коттедж с небольшим участком зем-

ли, густо заросшим деревьями и кустарниками. Время близилось к ночи. Местность за забором «виллы Апельсин» была такой же заросшей лесом, как и сама ее территория. Асфальтированная дорога, петлявшая от ворот в сторону оживленного шоссе, смотрелась, как просека в каком-нибудь густом неразведанном лесу. Крыши других коттеджей, стоявших на большом расстоянии друг от друга, едва угадывались за деревьями. Уже заметно стемнело.

Охранник нервничал бы еще больше, стой он у этих ворот совершенно один. По счастью, здесь оставались и те, от кого он ворота охранял. Без них было бы совсем неудобно. Со вчерашнего дня на этом небольшом квадрате дорогой земли неподалеку от столицы смерть унесла уже четверых – самого хозяина виллы, двух журналистов и садовника. Высокопоставленный сотрудник САГЕН был, как передавало радио, серьезно ранен.

Была информация, что дикие звери, выпущенные из тайного зверинца, существовавшего, как сегодня выяснилось, на «вилле Апельсин», давно уже, еще с ночи, разбрелись по окрестностям. Правда, пока тигр растерзал двоих именно здесь, на вилле. Мертвый садовник был обнаружен за забором. Шел он именно на виллу, но отчего он умер, до сих пор, насколько знал охранник, было неизвестно. Следов нападения хищника на его теле не было.

Ближе к вечеру вместо названия «вилла Апельсин» во многих новостных выпусках зазвучало новое – «вилла

Смерть». Среди погибших был один очень талантливый репортер, об огромной известности самого Ивана Апельсина и говорить нечего – в России он был единственным крупным политиком-индиго, и знали его все без исключения.

Религиозные организации, у которых с людьми-индиго отношения с самого начала не складывались, хранили корректное молчание. Но вот разные колдуны, прорицатели и экстрасенсы бесновались. Многие из них в этот день уже успели выступить по телевидению. В один голос утверждали то, чего охраннику хотелось бы не слышать: зло, которое пришло в этот мир вместе с людьми-индиго – людьми-дьяволами, наконец активизировалось. Долго готовилось к решительному нападению, и вот мрачный час наступил. Один колдун, как только что услышал охранник из радиоприемника, работавшего в микроавтобусе телевизионщиков, утверждал: коттедж Апельсина – центр смерти человечества, вила Смерть! Сам Апельсин на самом деле не умер, а лишь ловким образом избавился от одного из ненужных ему тел, надел, как шкуру, другое и теперь готовится руководить откуда-то действиями людей-дьяволов по всей России, а может, и по всему миру, потому что таких, как он, крупных политиков-дьяволов в мире было немного.

Охранник бы очень удивился, если бы узнал, что об обстоятельствах самого убийства он в этот момент знает ровно столько же, сколько и следователи и эксперты, работавшие весь день на месте преступления. Всю последнюю

неделю в Москве проходил конгресс, посвященный правовым и расовым проблемам, существующим вокруг людей-индиго. Одним из тех, кто руководил работой конгресса, был Иван Апельсин. Фактически конгресс проходил под эгидой НРП.

Позавчера конгресс закончился, и большинство его участников из Москвы разъехались. Несколько человек, еще оставшихся в столице, Апельсин пригласил к себе домой на ужин. Отужинав, большинство из них в тот же вечер разъехалось, некоторые вылетели из Москвы сегодня утром.

Само проведение конгресса было не случайным...

Оболенский продолжал вспоминать... Перемешавшиеся с людьми потомки лесных африканских индиго внешне в большинстве от них не отличались. Различие было в занятиях.

С первого дня, когда появились в большом мире, стремились только к деньгам. Чрезвычайно законопослушны, почти никогда не попадали в тюрьмы. Но все легальные способы зарабатывать как можно больше – используемы.

Не занимались наукой, не были замечены в искусствах. Упорно стремились в профессии, где заработки выше, чем в других.

К образованию относились с точки зрения пользы. Как способ развития личности – не интересовало. Стремилась учиться, потому что без этого много не заработаешь. Знания – всегда однобоки. Казалось, должно мешать: распространена точка зрения – только разносторонняя личность достигает успеха. Индиго опровергли ее – не читали книг, не ходили в музеи, в выбранном деле – бизнесмена ли, адвоката – оказывались на заглавных позициях. Некоторые утверждали: просто люди-дьяволы обладают сверхъестественными потусторонними способностями...

Всегда и везде по отношению к людям – подчеркнуто дружелюбны и честны. Так же как существовало множество лю-

дей, с настороженностью, даже ненавистью относившихся к индиго, было много и тех, кто любил. С индиго проще работать: не обманывают, обещали – делают, уважают закон, культурны. Утверждение христианских миссионеров: это – люди-дьяволы – не находило подтверждений. Кроме двух: стремление к обогащению, уход от контактов с церковью. В последнем все потомки африканских индиго – непреклонны, чрезвычайно последовательны.

Церковь выдвигала цепь рассуждений... Как такое может быть? Если это – всего лишь потомки неизвестного племени охотников, почему так категорично настроены против религии. Африканцы не настроены враждебно к христианству. Наоборот – встречаются настоящие ревнители веры. То же и по отношению к исламу: весьма распространен среди чернокожих обитателей жаркого континента. Другое дело индиго...

Толком не познакомившись с католическими миссионерами, индиго бежали, как зверь бежит от огня. «Дьяволы! – возопили церковники. – Только они могут себя так вести! Дьявол боится креста. А крест есть у каждого миссионера».

Избегание религии относилось ко всем, в ком была хоть капля крови индиго... Тут еще необъяснимый момент! Распространившись по миру, смешавшись с местным населением, индиго, даже внешне утратившие признаки своих африканских предков... всегда оставались индиго!.. Была шутка: если в огромный город, не зная друг о друге, с разных кон-

цов войдут два индиго – вернее, двое, в ком есть хоть капля этой крови, – вечером следующего дня встретятся, будут тихо шептаться, стоя на центральной площади.

Сами индиго утверждали: никаких индиго нет. То, как стремились друг к другу и находили себе подобных, доказывало – есть! Являются сплоченной, замкнутой по принципу крови общностью.

Впрочем, поклонники индиго трактовали по-другому... Индиго нет, но постоянное настороженное отношение к тем, кто якобы является их потомками, заставляет этих людей держаться ближе к собратьям – вместе отстаивать во враждебном мире законные права. Мнение не лишено логики – находило много сторонников. Но и тех заводило в тупик странное отношение людей-индиго к религии.

Обстановка подогревалась тем, что индиго (или люди-дьяволы – как кому угодно!) яростно боролись с любыми попытками (большой частью вполне невинными, продиктованными чисто научным, этнографическим интересом) изучать их. «Мы – как все, изучать нечего!» – вот их лозунг. Отказывались от экспериментов, не сдавали анализов...

Всегда найдется путь узнать правду...

Индиго погибали от несчастных случаев, оказывались без сознания... Были случаи насильственных похищений. Редкие данные исследований говорили – генетически индиго отличаются от людей.

Но стоило газете или журналу опубликовать подобные

данные, – начинались активные действия – акции протеста, судебные преследования... Борьба за свои интересы умели, тема отличия от людей стала табу...

Обществам, в которых жили, никаких проблем не создавали, вклад вносили немалый, – с табу окружающие мирились.

В последнее время с индиго что-то происходило... Словно бы исполнились ненависти к людям. Было несколько случаев необъяснимых убийств, совершенных ими. В одной стране арестована группировка – состояла из них. Занималась убийствами, похищением людей, наркотиками...

Факты складывались в зловещую картину.

Удивляли не преступления – то, что их совершали те, кто всегда избегал криминала.

Люди-индиго словно сходили с ума. Сумасшествие – опасное. Либо – это мнение противников – перестали скрывать истинное лицо.

Исключительную способность достигать успеха уже доказали. Численность в мире – значительна, – человечество охватил страх... Встали прежние вопросы: люди-индиго – кто они? Откуда взялись?..

Чем грозят миру?

Президент африканской Республики, на территории которой располагалась та самая историческая деревня, сидел на своем невысоком черном троне, сделанном из железного дерева, обильно инкрустированном золотыми пластинами и драгоценными камнями.

Рот президента Нгамбези был перепачкан в крови, но кровь была не его. Только что президент съел хранившееся до этого в холодильнике в задней комнате его дворца сердце Нкрума – лидера Прогрессивной партии – его заклятого политического противника, умерщвленного и расчлененного после того, как некоторое время назад президент Нгамбези фактически узурпировал власть, – он проиграл свободные выборы и устроил военный переворот.

Таким – перепачканным в крови – Аджио и увидел верховного правителя страны. Бобо – командующий танковыми войсками – доверенное лицо и помощник президента – толкнул колдуна в тронный зал. Сделано было это так грубо, что Аджио чуть не растянулся на полу.

Однако он все же удержался на ногах и, чувствуя, что надо собраться с силами, так как настает его звездный час, медленно подошел к президенту...

Когда ворвавшиеся в хижину колдуна военные в больших фуражках оторвали его от супа с банановыми клецками и вы-

волокли наружу к стоявшему там джипу с работавшим мотором, Аджио попрощался с жизнью... Только не мог понять, чем не угодил всемогущим военным. Может, своей дружбой с миссионером Суаресом?.. Когда его привезли в город и машина подъехала к комплексу зданий за ослепительно-белым забором, Аджио понял: с ним хочет посоветоваться сам президент!.. Точно так же, как когда-то привозили в город его отца, сегодня привезли сюда и Аджио.

Колдун подошел к самому трону. Он хотел упасть ниц, но Нгамбези жестом остановил его. Президент, не произнося ни слова, сверлил Аджио недобрый взглядом... Молчание продолжалось. Аджио, разумеется, не смел заговорить первым. Он только таращился на окровавленный рот Нгамбези...

Президент Нгамбези давно занимался ритуальным каннибализмом, поедая внутренности своих убитых врагов. Он полагал: так их сила переходит к нему. Будучи человеком образованным, Нгамбези серьезно подходил ко всему, что делал. По его заданию помощники выписывали из-за рубежа книги, посвященные людоедству.

Нгамбези узнал: одними из самых известных каннибалов прежних эпох были индейцы Центральной и Южной Америки. Древние ацтеки и майя производили человеческие жертвоприношения. Среди толпы всегда находились «гурманы» или, как их потом иногда называли, «религиозные фанатики», с жадностью набрасывавшиеся на трупы принесенных

в жертву.

Когда испанские конкистадоры вторглись в индейские государства, в редких сражениях, в которых местные жители одерживали верх, никогда не преследовали разгромленного противника: тут же начинали делить трупы убитых испанцев между собой.

На территории нынешнего Чили в древности существовало племя, которое поедало умерших членов. Правда, для поминальной трапезы брали не всего умершего, а лишь внутренности. Остальное мумифицировали и непрерывно таскали с собой (племя вело кочевой образ жизни). На ночных стоянках вместе с живыми возле костра «грелось» до двадцати мумий предков. Жаркий и исключительно сухой климат территорий, на которых обитало племя, позволял мумиям сохраняться долго. Часть из них дошла и до наших дней.

Нгамбези узнал: странное племя не было случайно возникшим сообществом умалишенных. Оно было устойчивым, живучим и просуществовало на Земле вместе со всеми своими леденящими кровь привычками пять тысяч лет!.. Многие развитые государства древности в гораздо более короткие сроки успевали исчезнуть вместе со всеми своими народами, зайдя в развитии в тупик.

Президент не очень-то стеснялся привычек. Думал: белые люди напридумывали табу, но принесло ли это им счастье?..

Наконец Нгамбези заговорил. Он рассказал Аджио, что вчера вечером в заросшем травой международном аэро-

порту столицы приземлился пассажирский самолет, прилетевший из одного из западноевропейских государств. Полицейский, поднявшийся на борт воздушного судна – проверить у пассажиров паспорта и въездные визы, – сразу заподозрил неладное: все прибывшие были крепкими, коротко стриженными молодыми мужчинами. Тут же вызвал подмогу...

Самолет окружили войсками. Прилетевшие задержаны и под конвоем препровождены в местную тюрьму. В ходе первых допросов все твердили одно: прибыли в Африку по контракту с местным футбольным клубом. Клуб сообщил, что по его поручению агент в Европе действительно рекрутировал белых футболистов, но, во-первых, агент недавно при загадочных обстоятельствах убит, – деятельность клуба за рубежом приостановилась. Во-вторых, даже если бы продолжалась, клуб пригласил бы лишь нескольких футболистов, никак не целый самолет.

«Футболисты» ни в чем не признавались, предъявляли контракты, – на поверку оказались фальшивыми, утверждали: друг друга не знают. Самое удивительное: среди задержанных действительно оказалось несколько настоящих футболистов, – были заочно знакомы местным любителям футбола.

Президент Нгамбези полагал: настоящие футболисты – лишь ширма. Кто-то в Европе забрасывает в его страну наемников, – в назначенный день и час должны устранить его

от власти. Недавно Нгамбези приступил к национализации горнодобывающих предприятий, принадлежащих западным компаниям. Кое-каким влиятельным силам в Европе и Америке правление встало поперек горла.

Однако доставленные наемники не были вооружены и должны были где-то дожидаться условного сигнала. Значит, внутри страны должны существовать какие-то местные заговорщики, которые действуют заодно с Западом.

Поспешные и непродуманные действия полиции привели к тому, что встречавшие наемников люди успели скрыться. Правда, Бобо через своих агентов начал расследование, но надежды на успех было мало...

Президент чувствовал: грозящая опасность огромна... Недаром съел сегодня сердце Нкрума – припас, который хранил в своем холодильнике на случай чрезвычайных обстоятельств. Время настало! Теперь понадобятся силы и хитрость! Много сил! И много хитрости!.. У него еще есть в запасе печень Нкрума, его мозг – мозг Прогрессивной партии...

Колдун тоже не будет лишним... Аджио похолодел... Если не поможет президенту определить, откуда исходит опасность внутри страны, на зубах Нгамбези появится его, Аджио, кровь.

Колдун завертелся в каком-то диком ритуальном танце. «Должно быть, эти движения помогают хоть как-то отодвинуть от себя неожиданный, панический страх!» – думал

про него Бобо.

Главный советник президента не верил, что духи спасут Аджио и укажут на заговорщиков. Искать внутренних врагов – дело тайной полиции, не духов. Что может знать о заговоре дремучий лесной колдун?.. Духи сильны, когда надо помочь корове отелиться, когда нужен дождь на поля, когда требуется удачная охота на антилопу. Про таинственных заговорщиков им ничего не известно. В том дремучем мире джунглей, где обитают духи, заговорщики не встречаются. Президент Нгамбези просто дуреет от чувства неведомой опасности и, влекомый своими странными инстинктами, ищет повода сожрать сердце колдуна. Как будто сердце колдуна сделает его власть, опирающуюся на коррумпированных военных, прочнее!..

Колдун прекратил танец – возможно, последний в его жизни, запрокинул голову и прикрыл глаза, словно прислушиваясь к внутренним голосам...

«Давай, давай! – думал Бобо. – Постарайся напоследок, старый плут!.. Уже сегодня твои внутренности будут разложены на полках большого иностранного холодильника в соседней комнате».

Аджио заговорил... Он знает, кто угрожает президенту Нгамбези. Заговор и вправду существует. Нити его и вправду тянутся за рубеж, а заканчиваются здесь, в джунглях... Люди-дьяволы – вот кто замыслил погубить президента Нгамбези!.. Они хотят создать в Африке собственное госу-

дарство, населенное только ими!..

Мысль – неожиданная!.. Бобо подошел ближе... Заметил, что президент тоже встrepенулся и смотрит на Аджио уже не как на кусок мяса, который съест сегодня на обед...

«Да! – продолжал вещать колдун. – В джунглях тайно собирается армия. Она состоит из множества людей-дьяволов. Скорее всего, среди тех, кто прибыл вчера на самолете, тоже найдутся дьяволы... До поры враги лишь скрытно собирают силы. Время выступления близится, и оно по своей силе будет ужасно!.. Тайные лагеря спрятаны в джунглях, в самых непроходимых местах в окрестностях исторической деревни. Кое-где дьяволы уже начали убивать местных жителей... Но это только начало готовящегося ужаса!»

Нгамбези потрясенно откинулся на спинку трона: он так и знал!.. Заговор существует!.. Нет, духи все же знают больше, чем от них можно ожидать!.. Вещая устами Аджио, они спасли колдуну жизнь.

С того момента, когда Иван Кожедуб побывал на месте преступления – убийства депутата Ивана Апельсина, – прошло несколько дней. Коттедж убитого и окружавший его небольшой заросший деревьями участок иначе как виллой Смерть теперь никто не называл. Звери, разбежавшиеся по окрестностям, прикончили еще парочку человек. Среди прочих – одного проживавшего по соседству крупного бизнесмена. Но дело было даже не в этом.

Действительно, с убийства депутата Апельсина на вилле Смерть – будем так называть ее и мы – стартовала целая серия событий, без сомнения указывавших, что смерть действительно разбушевалась. Главными действующими лицами во всех этих событиях оказывались люди-индиго. В тот же вечер студент одного из столичных вузов, индиго, неизвестно как раздобывший автомат, зашел в помещение одной из молодежных дискотек и открыл беспорядочную стрельбу. Около двух десятков человек было убито или ранено. После своего преступления студент-индиго был схвачен милицией. Во время предварительного допроса он не смог объяснить мотивов, по которым он совершил преступление, выглядел крайне удрученно и в ту же ночь в тюремной камере покончил с собой.

Не успела информация об этом дойти до обывателей,

на водозаборной станции в маленьком восточногерманском городке Нойлютерштадт таинственным образом была отравлена вода. Последствия – ужасны: сотни людей погибли, тысячи оказались в больнице. Никаких следов, которые указывали бы на того, кто сделал это, обнаружить не удалось. Тем не менее в связи с делом немедленно стали упоминать людей-индиго, которых теперь уже иначе как люди-дьяволы не называли.

В Нойлютерштадте проживало достаточно много людей-дьяволов. Ни один из них от отравленной воды не погиб. Незадолго до событий Драк – предводитель местной нойлютерштадтской группы неонацистов «Вайсштурм» – объявил: вскоре городок станет первым местом в мире, где люди-дьяволы будут крещены насильно. Заканчивая свое выступление на собрании «Вайсштурма» в местной пивной, Драк заявил: «Святой воды у нас хватит на всех!»

Полицейское дело о гибели тысяч людей в Нойлютерштадте было обозначено как «Дело Святой воды». Только теперь подразумевалось, что святой водой «крестили» не неонацисты из «Вайсштурма», а люди-дьяволы – в отместку за планы насильственного крещения. Причем полиция сразу начала расследование с предвзятых позиций и с ходу, без достаточных оснований арестовала нескольких местных людей-дьяволов. Как потом оказалось, среди полицейских многие сочувствовали «Вайсштурму».

По всему миру тут же начались многотысячные демон-

страции людей-индиго. Если раньше их выступления были мирными, то теперь они громили попадавшиеся на пути магазины и рестораны, переворачивали автомобили. Во время одной из демонстраций в Лионе, Франция, кто-то бросил горящий факел в окно дома, оказавшегося детским приютом Святой Терезы. Поскольку перед демонстрацией все двери приюта были предусмотрительно наглухо закрыты, а из-за толп народа пожарные не успели подъехать быстро, он сгорел вместе со всеми обитателями. Кто именно бросил факел, оставалось неизвестным, так же как и то, был ли в действительности бросивший его человеком-дьяволом.

Некоторые газеты, телеканалы и радиостанции выдвигали версию, по которой нойлпютерштадтское дело Святой воды, пансион Святой Терезы и убийство в России политика Апельсина – секретный план враждебных людям-дьяволам неонацистских организаций, стремящихся спровоцировать «окончательное решение» вопроса людей-индиго и на этой волне прийти к власти.

Список трагических происшествий, напрямую связанных с действиями людей-дьяволов, или тех, что подавались как дело их рук, увеличивался с каждым часом.

Расследование убийства Апельсина, которым занимался Кожедуб, продвигалось очень медленно. Естественно, первое подозрение пало на тех, кто присутствовал на ужине в коттедже Апельсина накануне его смерти. Медицинская экспертиза установила: Апельсин был убит приблизительно

в час или в два часа ночи. Поскольку был одет в тот же костюм, в котором он был во время ужина, было ясно – в эту ночь политик-дьявол долго не ложился спать. Видимо, с кем-то беседовал, а потом был убит.

Прислуга, работавшая в тот вечер на вилле Смерть, на допросе показала: большинство гостей разъехалось сразу после ужина, но некоторые остались в коттедже и продолжали беседу, угощаясь всевозможными напитками. Поскольку ближе к ночи прислуга, перебившая к тому времени основную часть посуды, была отпущена домой, рассказать, что же происходило в коттедже Апельсина в поздние часы, могли только оставшиеся гости.

Расследованием занималось сразу несколько бригад следователей из разных органов. Дело было непростым еще и потому, что большинство из вечерних гостей виллы Смерть были известными политиками, учеными или общественными деятелями. Работать с такими подозреваемыми для следователей непросто. Еще тяжелей Кожедубу...

В средствах массовой информации сразу утвердилось два предположения. У каждого – свои сторонники и противники. Первая версия: Апельсина убили фашисты, потому что им не нравился политик из людей-дьяволов. Против этой версии было то, что НРП не была партией людей-индиго. Вторая версия – провокация. Апельсина убили свои, дабы спровоцировать беспорядки и тем самым подтолкнуть правительства, жаждущие умиротворения, на более активные

действия против нацистских организаций. Любое проявление интереса к тому или иному подозреваемому тотчас истолковывалось средствами массовой информации с точки зрения двух версий. Практически моментально власти постарались наложить запрет на любую информацию о ходе расследования. В силу особого положения подозреваемых это не очень удавалось. САГЕН было в еще худшем положении – каждая из парламентских фракций стремилась подтолкнуть агентство к тому, чтобы оно сделало основной версией расследования именно ту, которая политически ей наиболее выгодна.

Кожедуб не знал, куда деваться от атаковавших его парламентариев...

Вскоре выяснилось обстоятельство, которое могло быть простым совпадением, а могло быть и ниточкой, потянув за которую удастся распутать клубок...

Среди тех, кто не участвовал в патронированном Апельсиновом конгрессе, но был в тот вечер на ужине на вилле Смерть, был человек-индиго, хозяин средней руки фирмы по производству изделий из кожи: курток в стиле Марлона Брандо, ремешков, дамских сумочек. Фирма проявляла активность и имела филиалы сразу в нескольких странах. В том числе в России, Германии... Важным обстоятельством было, во-первых, то, что Апельсин знал этого человека недавно: его познакомил с ним один из участников конгресса, во-вторых, и это было главным – германская контора фирмы

находилась в Нойлютерштадте, куда наутро после вечеринки улетел первым самолетом человек с неприметным именем и фамилией Ганц Мюллер... Судя по фотографии – типичный ярко выраженный человек-дьявол.

Версия «Ганц Мюллер» была откровенно выгодна нацистам. Бухенвальд очень обрадовался, когда узнал, позвонив в очередной раз Кожедубу: тот летит в Германию. Кожедуб не чувствовал себя необъективным – так или иначе, должен был встретиться со всеми фигурантами «интернационального» дела. То, что при этом обнадеживает ту или иную сторону, для него не имело значения. Без этого не обойтись...

Ганц Мюллер из Нойлютерштадта успел уехать – как и всякий индиго, опасался мести за приписываемую индиго Святую воду. Но скрываться не собирался. Германию не покидал, жил в гостинице другого небольшого городка, в котором вел переговоры о покупке местной фабрички галантерейных изделий. Та принадлежала турку из Измира, но он с ней почему-то решил расстаться.

В городок, расположенный примерно в тридцати километрах от печально прославившегося города Святой воды – Нойлютерштадта, – Кожедуб прибыл на поезде...

В железнодорожном поселке

Вера Кузнецова медленно поднималась по обшарпанной лестнице со сбитыми ступенями на свой пятый этаж. Лифт почему-то не работал. Пустая кабина стояла с раскрытыми дверями на третьем этаже. Кузнецова возвращалась с работы на железной дороге. Несколько раз перекладывала из руки в руку огромную сумку с продуктами – купила в ближайшем магазине.

Как только вошла в подъезд, сразу стало не по себе. Последние дни инстинктивно чего-то боялась. Убийство депутата Апельсина, страшная история Святой воды, сгоревший пансион, стрельба на студенческой дискотеке... Соседи всегда, с того самого момента, как в их квартире поселился Мандарин, относились к ней и дочери враждебно. Теперь точно жди беды!..

Почему не работает лифт?.. Она остановилась, начала тревожно прислушиваться. В подъезде было тихо. Подозрительно тихо...

«А и черт с ним! Пусть будет что будет! Надоело жить в постоянной тревоге!» – с отчаянием подумала Кузнецова и решительно пошла вверх. – «Главное, чтобы с внуками ничего не произошло!»

До квартиры оставалось каких-нибудь пара лестничных

маршей.

Вот и ее железная дверь. На площадке – никого. Из-за соседских дверей не доносится ни звука. В ее квартире тоже тихо... Что-то это подозрительно!.. Мандарин должен быть уже дома, сидеть с детьми. Дочка Танечка на работе... Нервничая, Вера Кузнецова начала нажимать на звонок. Никто не открывал. По-прежнему из-за двери не доносилось ни звука. Теперь уже не сомневаясь – что-то произошло, Кузнецова трясущимися руками полезла в сумку – искать свои ключи, лежавшие где-то на самом дне... Не сразу всунула ключ в замочную скважину. Наконец дверь подалась вперед...

С ужасом Вера Павловна вступила в собственную квартиру. В этот миг она прокляла все: и тот день, когда ее дочка Танечка познакомилась с Сергеем Мандарином, и то, что она не смогла отговорить ее от этого брака... Из ванной комнаты доносился негромкий звук льющейся воды!..

На миг в голове у Кузнецовой мелькнула надежда: «Слава богу! В ванной, не слышит!» Она подскочила к двери ванной, рванула ее на себя, чего прежде никогда бы делать не стала... Дверь резко распахнулась. В ванной никого не было, горел свет, струя воды била в раковину и исчезала в горловине. От ужаса у Кузнецовой подкосились ноги. Уронив сумку, перескакивая через покотившийся кочан капусты и картофелины, она ринулась в комнаты... «Дети!.. Где дети?!»

Ворвавшись в комнату, она в изнеможении, едва живая осела на пол: внуки мирно спали в своих кроватках... Слава богу!.. «Но где Мандарин?! И почему они спят в это время?!»

Она поднялась и прошлась по комнатам... Сергея нигде не было, квартира была пуста. «Этого не может быть! Он бы никогда не оставил детей одних!..»

И вдруг страшная догадка мелькнула в голове Кузнецовой: зачем в ванной оставлена вода?! Намек?!.. Это «Святая вода»?!.. Мол, сами не пейте! В ужасе Вера Павловна представила, как завтра, нет, почему завтра? Уже сегодня по всем телеканалам начнут показывать их городок, произносить попутно «Нойлютерштадт» и эти страшные слова «Святая вода»...

Какая-то дикая фраза всплыла в голове Веры Павловны: «Я его приютила, я себя и убью!» Она подошла к телефону, позвонила в милицию и без всяких объяснений попросила приехать к ней домой, назвала адрес. Затем сказала: «Срочно оповестите – вода отравлена!» Потом пошла в ванную и набрав под краном горсть воды, выпила ее и принялась ждать... Она знала – смерть вскоре наступит.

«Я его приютила, я себя и убью!»

Затем она выпила еще воды... К тому моменту, когда в Дверь отчаянно забарабанила милиция, а город был охвачен паникой, Вера Павловна была жива, но практически невменяема.

«Не виновата! Испугалась! Хотела предупредить!.. Где он?» – выкрикивала она сквозь рыдания. Ее увезла «скорая помощь».

Меж тем Мандарин, так странно исчезнувший из квартиры, домой так и не пришел... Вода, конечно же, отравлена не была. Железнодорожный поселок не стал Нойлютерштадтом. Во всяком случае, пока...

Кожедуб как-то давно уже бывал в Германии. Тогда он еще не работал в САГЕН, и это была поездка по обмену между российскими и немецкими стражами порядка. Бродя со своим новым знакомым – толстым и светловолосым немецким полицейским – по шикарным улицам большого немецкого города, Кожедуб был несколько удивлен и разочарован. Он представлял старинные немецкие города эдакими заповедниками средневековой старины с узкими живописными улочками, вросшими в землю домами горожан-бюргеров с толстенными стенами и маленькими узкими оконцами, мощными крепостными башнями... Но ничего этого не было. Была современная, казавшаяся Кожедубу совершенно безликой, архитектура, одинаковая от Гонконга до Нью-Йорка. Если бы не небольшое число старинных зданий, можно было вообще подумать, что он находится в каком-то современном, совсем недавно отстроенном на пустом месте городе... Немецкий коллега объяснил: в этом предположении Кожедуб недалек от истины... Вторая мировая война... Налеты английской и американской авиации в последний период были устрашающи. Тысячи самолетов волна за волной сбрасывали бомбы на немецкие города, сея смерть и тотальное разрушение. Знаменитый Кельнский собор – гигантский шедевр готической архитектуры, строившийся три

сотни лет, – уцелел только лишь потому, что летчики получили специальный приказ не сбрасывать на него бомбы. Так что узкие средневековые улочки действительно когда-то существовали... Но в какой-то момент они превратились в широкие открытые пространства, засыпанные горами щебня. Прежняя Гроссдойчланд – Великая Германия – перестала существовать. История преподнесла немцам суровый урок и еще раз доказала, что война несет народам одно лишь зло. Однако, как по секрету рассказал Кожедубу все тот же немецкий коллега, когда в 1947-м в западной зоне оккупации планировались свободные выборы, американцы провели среди немецкого населения секретный социологический опрос...

Распространена точка зрения, что двенадцать лет правления Гитлера были для немецкого народа своеобразным «умопомрачением», от которого их «излечили» союзники. После чего «очнувшийся» немецкий народ глубоко раскаялся...

Данные социологического опроса, тут же спрятанные подальше в сейфы и железные конторские ящики, показывали не такую умильную картину: семьдесят процентов населения послевоенной, лежащей в руинах и понесшей колоссальные потери Германии вновь отдали бы свои голоса гитлеровской Национал-социалистической рабочей партии, сокращенно НСДАП (Национал-Социалистише Дойче Арбайт Партай), сохрани она к тому времени свое существо-

вание. Видимо, яд человеконенавистнических теорий разрушался не так быстро и продолжал действовать даже после того, как основные фашистские идеологи понесли заслуженное наказание. Массовое «умопомрачение» большинства немцев продолжалось, но признаваться в нем они теперь соглашались лишь на условиях полной анонимности.

Со свободными выборами освободители, они же для некоторых – оккупанты, решили повременить, дабы не смущать «очнувшихся» и «кающихся»... Еще было живо в памяти то отчаянное, умелое и совершенно неообъяснимое с точки зрения здравого смысла сопротивление, которое, жертвуя собой, оказывали немецкие солдаты, когда любому было уже совершенно очевидно, что война на все сто процентов проиграна и ни одного шанса избежать полной капитуляции нет. Что за странное безумие охватило немецкий народ? В чем корень этого ужасного зла? Почему немцы так поверили в ядовитые человеконенавистнические идеи?!..

* * *

Городок поразил Кожедуба. То, чего он не встретил в Германии в свою первую поездку – присутствовало здесь-Возможно, сказывалось еще и позднее время суток – чистенький железнодорожный состав сделал короткую остановку возле вылизанного перрона, уже когда на островерхие черепичные крыши бюргерских домов и пронзающие небо шпили

кирх – протестантских церквей – опустилась какая-то особенно черная ночь. Кожедуб вдруг понял – средневековые вокруг него самое настоящее и густое из всех, что он когда-либо видел.

Он говорил по-немецки и, расспросив у знающего и точного железнодорожного служащего дорогу, направился пешком к отелю «Дрезден», в котором у него был забронирован номер. Служащий, как показалось случайно обернувшемуся Кожедубу, смотрел ему вслед недобрым взглядом, хотя и был только что в разговоре с приезжим безукоризненно вежлив.

«Не иначе как тайный нацист!.. В современном мире все всех не любят, все ко всем относятся с недоверием! – подумал Кожедуб. И хотя в карманах у многих отпечатанные на одном типографском станке единые паспорта, истинным паспортом все чаще становится тип лица, цвет волос, акцент... А ведь и такой „паспорт“, если призадуматься, можно легко подделать. Даже легче, чем бумажный...»

Кожедуб закурил. После разговора с Бухенвальдом он стеснялся своих любимых, но дешевых «рабоче-крестьянских» сигарет и в магазинчике на вокзале приобрел пачку немецких «Реemtсма». Марка эта имела давнюю историю и производилась еще в фашистской Германии. По качеству они уступали английским и американским. Табак, как известно, товар «колониальный». А к дележу колоний Германия опоздала, что и пыталась позднее наверстать...

«Ох, ох, ох, что ж я маленький не сдох!» – напевал Коже-

дуб свою любимую шуточную песенку. Не успев отойти хоть сколько-нибудь далеко от вокзала, он заблудился и теперь брел по узким средневековым улочкам почти наугад.

Кожедуб не знал, что в то же самое время, когда он продирался сквозь хитросплетения «штрассе» и «платцев», в кабинете у Бухенвальда произошла примечательная сцена...

* * *

Бухенвальд сидел за своим огромным полированным столом и читал проект речи, подготовленной для него одним из помощников, когда позвонила секретарь и сообщила, что его хочет видеть Герой.

Норицын велел пропустить. Время – позднее, кроме чтения проекта речи, никаких срочных дел у него не было, и он вполне мог уделить Владу какое-то время... Через несколько мгновений тот быстрым, энергичным шагом вошел в кабинет. Он был взволнован.

Проигнорировав предложение Бухенвальда занять одно из удобных кресел, подскочил к столу, опираясь руками о край, проговорил:

– Похоже, началось... Теперь многое встает на свои места!.. Только что по Си-эн-эн передали: в исторической деревне дьяволы прикончили нескольких человек.

Жора присвистнул и поднялся из-за стола.

– Быть этого не может!.. – недоверчиво проговорил он. –

В исторической деревне? Зачем?!

Взволнованным голосом Владик-Герой пересказал содержание репортажа, переданного известным телеканалом...

Исторической было принято называть маленькую, затерянную в джунглях африканскую деревушку, где впервые поселились среди людей вышедшие из леса люди-индиго. У нее было какое-то неудобнопроизносимое африканское название, и во всем мире повелось называть ее исторической. Так было понятней и легче.

Было время, когда историческая деревня оказалась практически на сто процентов населенной людьми-дьяволами, поскольку не смешавшихся с ними местных жителей в ней уже не осталось. Но люди-дьяволы стремительно расселялись по миру, жить в исторической деревне было для них неинтересно – примитивное существование африканских охотников или возделывание мотыгой убогих огородов на границе деревни и леса их уже не привлекало. Люди-дьяволы постепенно покидали деревню, а в ней опять стали селиться люди. Впрочем, пока их в процентном отношении было не так уж много.

В первое время, когда существование людей-индиго только-только было признано новой реальностью человечества, в историческую деревню потянулись толпы исследователей и журналистов. Этому способствовал период относительного затишья в бесконечной череде переворотов, гражданских войн и эпидемий, сотрясавших этот центральноафри-

канский регион, где на границе двух государств располагалась деревенька, состоявшая из хижин, крытых пальмовыми листьями.

Никаких особых открытий, проливавших свет на появление людей-индиго, ученым сделать не удалось. Сами люди-индиго делали все, чтобы ученые и журналисты как можно скорее убрались восвояси, – отказывались от контактов, зывали к солидарности проживавших бок о бок с ними негров, а по всему миру уже шли демонстрации индиго, протестовавших против взгляда на них как на новый вид, выплунутый эволюцией из Африки. Вскоре в регионе началась очередная военная заваруха, и западным ученым и журналистам пришлось убраться.

В деревне проживал один старик, у него никогда не было ни жены, ни детей. Первых людей-дьяволов он повстречал мальчиком, живя вместе с родителями на краю деревни у леса. Мбаса Нкомо был достопримечательностью исторической деревни. Он помнил первые годы выхода людей-дьяволов в «свет», имя его, рассказы и свидетельства упоминались в каждой публикации, посвященной их истории. Зато люди-дьяволы не жаловали его – рассказы Мбаса Нкомо, как необычные люди появились из леса, не соответствовали версии людей-дьяволов, что они всегда существовали на Африканском континенте. Впрочем, взаимоотношения между дьяволами и людьми в исторической деревушке были крайне дружелюбным и.

Недавно Мбаса Нкомо был найден в своей хижине с раскроенным черепом. Деревня была затеряна в глуши лесов, а обстановка в Центральной Африке крайне беспокойной. У тамошних жителей было столько других бед, настолько легко каждый день они могли оказаться на грани между жизнью и смертью, что люди-индиго не волновали их совершенно, а информация о смерти старика пришла от христианских миссионеров с огромным опозданием одновременно с информацией, что в исторической деревне один за другим стали погибать люди. То есть те, в ком не было крови людей-дьяволов...

На самом деле Владик-Герой немного исказил переданную Си-эн-эн информацию: в смерти людей подозревали дьяволов, но никто не видел, как индиго убивал человека и доказательств не существовало. Было очевидно одно: погибали лишь люди, а среди индиго таких смертей не было...

– Как убивали? – спросил Бухенвальд.

– Ничего не понятно... Достоверной информации нет. Миссионерам стало известно: людей стали находить мертвыми кого где... Мбаса Нкомо – в своей хижине на краю деревни, кого-то в лесу неподалеку. Но дело в том, что у местных жителей есть уверенность – это дело рук людей-дьяволов, больше никому!.. Отсюда вывод: люди-дьяволы пошли в атаку. Очевидно, убийство Апельсина было провокацией... Нужен был повод. Так же, как в случае со Святой водой!..

– Что ты предлагаешь?

– Мне кажется, мы должны ехать в Африку. Причем срочно!.. С этим делом надо разобраться на месте. Мы должны быть в центре событий!

Мы возвращаемся к Кожедубу, который, как мы помним, шел в сторону гостиницы. В какой-то момент он понял, что окончательно заблудился. Впрочем, это не огорчило его: городок был небольшой и, куда бы он ни пошел, он бы не удалился от своей цели очень сильно, так что он даже рад был прогуляться и осмотреть окрестности. Тем более вещей у него с собой почти не было – лишь маленький чемоданчик да плащ, перекинутый через руку... Да еще пакет...

Но странно: все это множество средневековых зданий и прекрасно сохранившиеся средневековые улицы вовсе не выглядели музеем под открытым небом. Точно бы Кожедуб на машине времени на самом деле попал в самое настоящее средневековье и все на этих узких и темных улицах под стать мрачным, словно бы приготовившимся к осаде домам: то и дело навстречу Кожедубу попадались толпы грубо горланившей, агрессивного вида молодежи. Очень многие были пьяны.

Да и люди, которых Кожедуб видел в освещенных окнах пивных, располагавшихся под низкими старинными сводами средневековых построек, как-то не очень походили на добропорядочных миролюбивых бургеров: красные лица нетрезвых мужчин были перекошены злобой, они громко что-то выкрикивали, о чем-то спорили.

Кожедуб смотрел по сторонам, несколько раз с тревогой обернулся: теперь начало казаться, что кто-то упорно идет за ним следом... Но кто может следить за ним в этом городе, в котором его никто не знает и куда он только что приехал? Человек-дьявол?..

Проходившие мимо молодые люди бросали на Кожедуба какие-то очень беспокойные, неодобрительные взгляды. Он понял: в этот поздний час его одинокая трезвая фигура, любопытные взгляды, которые он кидаёт по сторонам, наконец, пакет с символикой московского аэропорта – все это безошибочно выдает в нем приезжего... Но почему, почему вдруг в этом городке такая недоброжелательная атмосфера?!.. Если бы он поймал обращенные на него один, два, ну несколько косых взглядов – это, в конце концов, было бы объяснимо, но здесь, похоже, на улицах просто не встретишь иных людей, кроме тех, что яростно ненавидят чужаков. Кожедуб был не робкого десятка, но что он может сделать один против агрессивной толпы?.. К тому же он никак не может позволить себе оказаться сейчас в больнице.

Не успел он об этом подумать, как кто-то грубо окрикнул его. Он обернулся: из «биирштубе» – пивного зала – на другой стороне улицы вышло несколько человек. Они в упор разглядывали его...

– Неандерталец! – крикнул один из них, самый молодой, почти еще мальчик.

Все остальные заржали.

Продолжая идти, Кожедуб отвернулся от них.

– Эй, неандерталец, куда же ты?!.. Музей неандертальцев совсем в другой стороне!.. А может быть, ты ищешь зоопарк?!..

Слова шутника были перекрыты дружным хохотом его маленькой компании, к которому присоединился хохот еще одной группы людей, как раз за несколько мгновений до этого вышедших на маленький перекресток из кривой, уходящей куда-то вверх, к холму, средневековой улочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.